

— На самом деле, хоть у того ребёнка и нет родителей, но взрослые всегда оставляют детям немного денег.

Мать Сюя быстро и чётко ответила:

— Какое это имеет отношение ко мне?

Тётя вздохнула:

— Эх, как это может не быть связано с тобой? Если эти деньги окажутся у Сюй Чжэна, ты не должна просто так отпустить это. Финансовые вопросы должны быть в руках нас, женщин!

Сюй Син, стоявший снаружи и подслушивавший, не смог сдержать внутреннего смеха. Его тётя была слишком мелочной, всегда искала выгоду и любила нашептывать другим, но она не понимала характера его матери — её острый язык скрывал доброе сердце. Она говорила всё это только потому, что была недовольна его отцом, это были просто слова в сердцах. Если бы она действительно собиралась всё бросить, то зачем бы она сегодня ушла с работы пораньше, чтобы купить продукты и приготовить целый стол блюд для того ребёнка?

Только его тётя была «настолько способной», что решила воспользоваться ситуацией, когда ребёнок только что потерял родителей.

Сюй Син, закончив наливать воду, не стал больше подслушивать и повернулся, чтобы вернуться в свою комнату.

Но как только он открыл дверь, увидел, что на его кровати отпечатались несколько чёрных следов от обуви. Маленький толстячок с лицом, похожим на мясной пирожок, прыгал на кровати, а кожура от фруктов и орехов была разбросана по полу. На столе опрокинулась чашка с водой, никто её не убрал, и вода капала со стола и ящиков на пол, оставляя мокрое пятно.

Увидев, что дверь открылась, малыш громко закричал:

— Сюй Син вернулся!

И, продолжая прыгать, оставил ещё пару чёрных следов на кровати.

Сюй Син опустил взгляд на свою кровать, которая утром была чистой и аккуратной, но промолчал. Он вошёл, закрыл за собой дверь и, глядя на толстячка, тихо сказал:

— Малыш, перестань прыгать, иначе я не смогу сдержать свою внутреннюю силу.

Малыш не понял, повернулся к Сюй Сину и снова закричал:

— Что ты сказал? Что?!

Сюй Син, с рюкзаком за спиной и руками в карманах, стоял и вспоминал, что этот толстячок из семьи дяди всегда был таким наглым и дерзким. Через десять лет он станет ещё хуже: после провала на гаокао он придёт к семье Сюя и потребует, чтобы Сюй Син нашёл связи и заплатил за его поступление в престижный университет.

Сюй Син думал, что, должно быть, у него слишком хороший характер, раз этот малыш с детства осмеливался называть его по имени и вести себя как хозяин.

На самом деле, характер у Сюй Сина действительно был неплохой. С детства он пользовался

популярностью, был терпеливым и снисходительным. Но 28-летний Сюй Син и 18-летний Сюй Син всё же отличались. Разница заключалась в том, что последний, недовольный тем, что толстячок прыгал на его кровати, максимум мог пожаловаться в душе и сделать устное замечание, а первый не ограничивался устными предупреждениями...

Сюй Син, положив рюкзак, подошёл:

— Кровать предназначена для сна, а не для прыжков. Тебя никто не учил, что нельзя прыгать на чужой кровати в обуви?!

Толстячок снова прыгнул и с гордостью сказал:

— Я буду прыгать, если захочу.

Только он это произнёс, как его рука была схвачена. Сюй Син резко потянул его вниз и строго сказал:

— Веди себя прилично!

Голос был достаточно громким, и толстячок сначала замер, а затем надулся и недовольно пробормотал:

— Ты на меня кричишь? Я расскажу твоей маме и своей маме!

Сюй Син вытер свежие следы на простыне, на руке осталась грязь. Он указал на стол и на пол, игнорируя «угрозы» малыша, и спросил:

— Это всё ты сделал?

Толстячок совсем не испугался и закричал:

— Я, а что?

Сюй Син поднял бровь:

— Родители тебя не учили, что в гостях нужно вести себя вежливо, а кожуру от фруктов выбрасывать в мусорку? Опрокинутую чашку нужно поднять?

Толстячок поднял подбородок, как маленький петушок:

— Мама сказала мне ничего не трогать!

Сюй Син, засучивая рукава, усмехнулся, и усмешка была зловещей:

— Ты знаешь, что это мой дом, а не твой, и это моя комната, а не твоя?

Малыш наконец почувствовал опасность, увидев улыбку Сюй Сина, и невольно втянул голову в плечи:

— Папа сказал мне считать это своим домом.

Сюй Син кивнул и одной рукой накрыл голову малыша:

— Ладно, братик, пусть твой старший брат сегодня научит тебя, как правильно вести себя в

жизни!

Когда тётя и мать Сюя, услышав вопли, ворвались в комнату, Сюй Син уже разобрался с малышом. Он с «дружелюбным» и «любящим» выражением лица поправлял штаны толстячка и спрашивал:

— Старший брат снова тебя спрашивает: в следующий раз ещё будешь прыгать на моей кровати и устраивать такой бардак в моей комнате?

Толстячок дрожал и, плача, ответил:

— Не... не буду.

Тётя, ворвавшаяся в комнату, была в шоке, её глаза загорелись. Она тут же обняла своего младшего сына и, обращаясь к Сюй Сину, гневно сказала:

— Как ты, старший брат, можешь бить младшего!

Сюй Син встал. Раньше он бы не стал спорить с семьёй дяди. На самом деле, в прошлой жизни он действительно молча сносил всё, когда дядя с женой и сыном жили у них полгода. Он чуть не стал святым, но что он получил в итоге?

Он получил то, что семья дяди стала ещё более бесцеремонно вытягивать из них деньги, а этот несчастный брат стал ещё больше не уважать его.

Кроме того, теперь он, с душой 28-летнего в теле 18-летнего, если не сможет разобраться с этой семьёй, то это будет шаг назад.

Раз уж он уже ударил, Сюй Син решил быть холодным и, указав на свою кровать со следами обуви и на стол, заваленный мусором и капающий водой, сказал:

— Тётя, прежде чем говорить, лучше посмотри, что сделал твой любимый сын.

Тётя крепко обняла Пань Мина и отругала:

— Даже если так, Сяо Мин ещё ребёнок, что ты с шестилетним ребёнком разбираешься!

«Он же ещё ребёнок» — эта фраза действительно была универсальной отговоркой.

Мать Сюя тоже не любила Пань Мина. Он не только был непослушным, но и умел создавать проблемы, был невежливым. Поэтому, когда Сюй Син изначально не хотел, чтобы Пань Мин жил в его комнате, она не стала возражать.

Но теперь, когда Пань Мина ударили, мать Сюя не могла больше защищать своего сына и только сказала Сюй Сину:

— Братик не понимает, он не специально. Твой папа скоро вернётся, мне нужно готовить ужин, сам прибеги в комнате.

Сюй Син ещё не успел ответить, как тётя, обняв своего сына, закричала на мать Сюя:

— Пань Мин — поздний ребёнок твоего брата, его единственный сын, продолжатель рода Пань! Его так избил твой сын, и ты просто так это оставишь?

Мать Сюя была прямолинейной и никогда не любила ходить вокруг да около. Услышав это, она удивилась:

— А что ещё нужно? Мне раздеть Сюй Сина и выпороть? Это не очень, Сюй Сину почти восемнадцать, он уже почти мужчина, я не могу снимать с него штаны.

Сюй Син мысленно расхохотался.

Тётя позеленела.

В этот момент шестилетний Пань Мин, видимо, понял, что его мать — его опора. Раньше он только тихо плакал, но теперь вдруг громко закричал:

— Сюй Син меня ударил! Он ещё ударил меня по лицу! Давал пощёчины!

Сюй Син совсем не боялся раздуть скандал, наоборот, он ударил Пань Мина именно для того, чтобы устроить грандиозный скандал дома. Конечно, он понимал, что избавиться от этой семьи будет нелегко, и был готов потратить всё лето на борьбу, но хотя бы они должны были понять, что семья Сюя — не лёгкая добыча и не мягкая подушка, которую можно мять.

Пань Мин закричал, и Сюй Син тут же ударил по столу:

— Где я тебя ударил, повтори?!

Тётя смотрела с недоверием, Пань Мин кричал, мать Сюя пыталась уладить ситуацию, и в этот момент в комнате площадью несколько десятков квадратных метров поднялся такой шум, что казалось, крыша вот-вот рухнет.

Мать Сюя вдруг заметила, что сегодня её сын был особенно вспыльчив. Раньше, когда Пань Мин шалил, он только хмурился и терпел, но сегодня он ударил.

Присмотревшись, она также заметила, что за последнюю неделю Сюй Син вёл себя как-то странно. Трудно было сказать, что именно изменилось, но казалось, что он стал более решительным и спокойным.

Пока они спорили, дядя Пань Юй вернулся и, стоя в дверях, рявкнул:

— Замолчи, засранец!

Пань Мин, как будто резко затормозив, закрыл рот и, полный слёз, смотрел на отца. Тётя тоже замолчала.

<http://bllate.org/book/16663/1527608>